

Бостонские взрывы:

«ОДИНОКИЕ ВОЛКИ» И «БЕЗЛИДЕРНЫЙ ДЖИХАД»

ПОСЛЕ АЛЬ-КАИДЫ

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 268

Июль 2013 г.

Екатерина Степанова

Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН), Москва

Любые комментарии по горячим следам крупных терактов — таких, как взрывы бомб на бостонском марафоне в США в апреле 2013 г. — неизбежно носят спекулятивный характер. Нередко они не только не помогают прояснить ситуацию, но и усиливают общую путаницу и неразбериху. Иногда такие преждевременные комментарии даже становятся частью того нездорового политического ажиотажа, провоцирование которого как раз и является одной из главных задач террористов.

Однако некоторые аспекты терактов — например, их внутривнутриполитические и международные последствия — могут служить предметом серьезного анализа на любом этапе. Применительно к бостонским взрывам, можно, например, проанализировать их влияние на состояние двусторонних отношений между США и Россией. Другой возможный угол анализа — рассмотреть теракты в более широком контексте террористической активности: например, проанализировать бостонский инцидент в контексте других терактов джихадистского типа, совершенных террористами-одиночками или ячейками на Западе, особенно в США, где за последние три-четыре года наблюдался явный рост числа таких инцидентов. Насколько бостонские взрывы соответствуют более общим тенденциям в области джихадистского терроризма на Западе? Укладываются ли они в парадигму так называемого безлидерного сопротивления? Насколько они вписываются в общий контекст акций со стороны террористов-одиночек или небольших ячеек радикально-исламистского типа в США? Как подчеркивается в данной аналитической записке, высока вероятность того, что бостонский теракт, в осуществлении которого обвиняют братьев Царнаевых, в конечном счете, будет

официально квалифицированы в США не как акция «одиноких волков» в чистом виде, а как операция автономной мини-ячейки, действовавшей по собственной инициативе, но опиравшейся на некоторые внешние связи.

Безлидерное сопротивление и глобальный джихад

Недавний подъем террористической активности со стороны террористов-одиночек или автономных ячеек, особенно радикально-исламистского типа и особенно на Западе, вызван рядом факторов. Один из них – это структурная трансформация транснационального движения, вдохновленного идеологией «глобального джихада», и его адаптация к меняющимся условиям. Наиболее динамичные направления развития стратегической мысли и организационных форм современного движения глобального джихада лучше всего суммирует теория «джихада отдельных ячеек» Абу Мусаба ас-Сури. На Западе это движение более известно как «безлидерный джихад» (термин, введенный Марком Сэдджманом в его книге под тем же названием).

Взрывы на бостонском марафоне 2013 г. чаще всего рассматриваются как проявление либо так называемого *безлидерного сопротивления*, либо терроризма со стороны «одиноких волков», т. е. террористов-одиночек (либо и того, и другого). Хотя эти две концепции нередко используются как взаимозаменяемые, они различаются по основному типу субъекта террористической деятельности. Безлидерное сопротивление, в том числе применительно к терроризму, означает *сетевую стратегию* и организационную форму, которая сознательно берется на вооружение, часто под давлением внешних обстоятельств, рыхлыми сетевыми структурами, состоящими из ячеек и отдельных лиц, с целью усилить асимметричные преимущества сети по отношению к ее иерархически организованным оппонентам (например, государствам). Терроризм «одиноких волков» подразумевает теракты со стороны отдельных лиц или ячеек, действующих *независимо от какой-либо группировки или сети*. Не удивительно, что в случаях, подобных бостонским взрывам, эти два феномена нередко путают. Частично это объясняется недостатком информации о связях и контактах террористической ячейки на ранних этапах расследования. Кроме того, задача выявления факта и характера связей террористического актора, действующего вне формальных организационных рамок, в принципе представляет собой дополнительную сложность, так как в данном случае отсутствуют многие традиционные зацепки, связанные с отслеживанием деятельности подпольных организаций, обладающих четкой, устоявшейся структурой. Частично же путаница происходит вследствие того, что в каком-то смысле модели безлидерного сопротивления и «одиноких волков», действительно, пересекаются между собой, особенно в рамках движения глобального джихада.

Хотя в последние годы вооруженное безлидерное сопротивление чаще всего ассоциируется именно с глобальным джихадом, сама концепция была

впервые сформулирована правыми экстремистами еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг. «Крестный отец» этой концепции, американский расист Луис Бим имел в виду очень рыхлые, совершенно горизонтальные сети, в которых полностью отсутствует вертикальная система контроля и управления.¹ По версии Л.Бима, безлидерное сопротивление предполагало сознательный организационный выбор в пользу стратегии, которая «позволяет отдельным лицам и небольшим ячейкам осуществлять акты политического насилия вне зависимости от какой-либо иерархии или руководства и поощряет их к этому...».² Хотя концепция Л.Бима распространялась и на действия террористов-одиночек (и вполне применима к таким широко известным терактам со стороны правых экстремистов, как взрывы в Оклахома-Сити и Атланте в США в середине 1990-х гг. или теракты в Осло в 2011 г.), его главные надежды были связаны именно с действиями безлидерной сети, состоящей из множества ячеек. Эти надежды — по крайней мере, для правых экстремистов — пока не оправдались.

Более успешно модель сетевого безлидерного движения сознательно применили радикальные защитники окружающей среды и, прежде всего, Фронт освобождения Земли (Earth Liberation Front, или ELF). Осуществляемые ELF в отсутствие централизованной организации, руководства и формального членства акты насилия носили менее смертоносный характер, чем, например, отдельные масштабные теракты со стороны правых экстремистов, приведшие к массовым жертвам. Однако ячейки ELF сделали основной упор на акции саботажа, причинив тем самым значительный материальный ущерб; при этом им удалось добиться очень высокой частоты таких инцидентов, которая в конце 1990-х — начале 2000-х гг. в среднем достигала 100 терактов в год. Иногда концепцию безлидерного сопротивления применяют ретроспективно, в историческом контексте — например, для описания активности крайне децентрализованного движения анархистов, идеологически объединившего разнообразные полу-автономные ячейки и добровольные ассоциации. Действительно, теракты анархистского типа, исторический пик которых пришелся на конец XIX в., (включая убийства ряда глав государств и других высокопоставленных лиц) нередко осуществлялись в форме спонтанных действий со стороны одиночек, иногда при помощи лишь небольшой группы друзей. Несмотря на это, применять концепцию безлидерного сопротивления к анархистскому движению следует с большой осторожностью. В частности, важнейший для анархистов безлидерный импульс изначально не привязан к насилию как таковому — скорее, он отражал и отражает их базовые стратегические, организационные и идеологические приоритеты в целом.

¹ Louis Beam, "Leaderless Resistance," *The Seditonist*, No. 12, 1992.

² Paul Joosse, "Leaderless Resistance and Ideological Inclusion: The Case of the Earth Liberation Front," *Terrorism and Political Violence*, 19 (2007), p. 351-368.

В настоящее время безлидерное сопротивление с применением насилия в основном связывают с движением глобального джихада, вдохновленным аль-Каидой. Если ряд экспертов полностью не согласны с такой точкой зрения, то автор этого материала – лишь частично: не всё, что понимается под «движением глобального джихада» и ассоциируется с ним, соответствует классической модели безлидерного сопротивления. Современное движение глобального джихада имеет сложную структуру и во многом является, скорее, исключением, чем правилом: оно сочетает некоторые базовые сетевые характеристики с отдельными досетевыми и постсетевыми элементами и на данный момент является самой широкой и известной транснациональной террористической сетью. Эта сеть разительно отличается, например, от вооруженных группировок на локально-региональном уровне, которые базируются на определенной территории и привязаны к ней, в идеологии которых национализм либо доминирует, либо сочетается с религиозным экстремизмом, а система организации которых в той или иной степени пытается подражать иерархической структуре национальных государств. В отличие от таких группировок, наднациональное движение глобального джихада руководствуется универсалистской религиозно-экстремистской идеологией, которая (в отличие от тоталитарных культов) в принципе не поощряет жесткие иерархические формы организации. Насколько безлидерное сопротивление применимо к движению глобального джихада и если применимо, то к какому уровню этого движения? Ответ на этот вопрос зависит от того, как понимать организационную систему этого движения и как интерпретировать развитие его организационно-структурных форм. Краткости ради ограничимся лишь двумя основными подходами к этой проблеме.

Первый подход ставит во главу угла *регионализацию* аль-Каиды и с конца 2000-х гг. преобладает в экспертно-политическом дискурсе в США и на Западе. Согласно этому подходу, движение глобального джихада подразделяется на три уровня. Во-первых, определенные функции стратегического командования и контроля сохраняются за «центральной аль-Каидой», базирующейся в Пакистане и Афганистане (т. е. тому, что осталось от ее исторического ядра), хотя и признается снижение ее роли. Во-вторых, утверждается, что главный «центр тяжести» движения глобального джихада переместился на уровень нескольких «региональных филиалов» с относительно четкой организационной структурой, базирующихся в ряде мусульманских регионов. Эти филиалы включают «аль-Каиду на Аравийском полуострове», «аль-Каиду в Ираке», «аль-Каиду в странах Исламского Магриба», а также «аль-Каиды» в Восточной Африке и Юго-Восточной Азии. Третий уровень движения формируют «идеологические последователи» аль-Каиды – мини-ячейки и отдельные лица, в основном на Западе, которые «знакомы с [этой] организацией только посредством ее

идеологии, во имя которой они осуществляют акты насилия».³ Рост числа и активности таких ячеек интерпретируется по-разному: либо как проявление способности движения успешно приспосабливаться к меняющимся условиям, либо как свидетельство организационной деградации аль-Каиды, которая подается как результат контртеррористического давления со стороны США и их союзников.

Второй подход отрицает, что на современном этапе историческое «ядро» аль-Каиды реально продолжает осуществлять какие-либо остаточные функции стратегического командования, и отводит ей лишь роль идеологического символа (поэтому этот подход можно назвать «посткаидовским»). Хотя этот подход не отвергает возможность существования региональных филиалов аль-Каиды в мусульманских регионах мира, он подвергает сомнению их роль в качестве ее главных преемников и основного «центра тяжести» движения глобального джихада. Согласно этому подходу, большинство так называемых региональных филиалов аль-Каиды (за исключением, пожалуй, лишь «аль-Каиды на Аравийском п-ве») – это вооруженные группировки, которые имеют глубокие местные корни и главные приоритеты которых неразрывно связаны с контекстом соответствующих локально-региональных конфликтов. Их заявления о приверженности глобальным универсалистским идеям аль-Каиды и даже «клятвы верности» ей носят, скорее, декларативный и номинально-символический характер. В качестве же основного уровня и наиболее активной и динамичной движущей силы глобального джихада рассматриваются как раз сетевые мини-ячейки, действующие в более чем 70 странах мира и продвигающие подчеркнута глобальную повестку. В отличие от группировок, действующих в контексте конкретных вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, в Азии или Африке, ячейки этого типа в полном смысле слова экстерриториальны по своим взглядам и целям, и большинство из них возникает именно на Западе, а не в мусульманских странах. Эти мини-ячейки формируются разными путями, процесс их радикализации может иметь различные формы, и они, как правило, не связаны друг с другом какими-либо формальными связями. Однако они разделяют идеологию глобального джихада и в совокупности составляют гибкое и устойчивое транснациональное сетевое движение – и отчетливо воспринимают себя как части этого движения. При всей своей маргинальности, это сетевое движение все еще представляет серьезную террористическую угрозу международной безопасности.

Каким бы из этих двух подходов не руководствоваться, понятно, что, если концепция безлидерного сопротивления и применима к движению глобального джихада, то лишь на уровне его сетевых мини-ячеек. Движение не рекрутирует

³ National Strategy for Counterterrorism (Washington D.C.: The White House, June 2011).

новобранцев в некую сложившуюся организационную структуру, а вдохновляет своих сторонников на то, чтобы они сами формировали собственные ячейки «на местах» во имя целей движения; коммуникация между отдельными ячейками внутри движения минимальна или отсутствует; идея организовать террористическую ячейку апеллирует к жажде славы и индивидуальному «чувству справедливости» молодых людей не меньше, чем к их политическим взглядам и идеологическим воззрениям. Перечисленные характеристики на самом деле взяты из описания классической безлидерной сети радикальных защитников окружающей среды (ELF). Однако они в равной степени характеризуют и сетевые микро-ячейки движения глобального джихада — хотя и вряд ли применимы к идеологическим и стратегическим лидерам этого движения или к его региональным филиалам.

«Одиноким волкам» и глобальный джихад

Если безлидерное сопротивление -- это стратегия и модель организации сетевого типа, то террористы-одиночки, или так называемые одиноким волкам, действуют вообще вне каких-либо организационных рамок.

С одной стороны, терроризм со стороны «одиноким волков» остается относительно маргинальным феноменом. Абсолютное большинство терактов в мире осуществляется организованными группировками. Доля инцидентов, спланированных и осуществленных «одиноким волками», в общем числе терактов мизерна: например, для западных стран в период с 1968-го по 2010 г. она составляет всего 1,8%. Террористы-одиночки или изолированные мини-ячейки в целом обладают меньшим разрушительным потенциалом, а их террористическая активность менее устойчива и продолжительна. За исключением отдельных масштабных терактов с массовыми жертвами, теракты, осуществленные «одиноким волками», в целом менее смертоносны: среднее число убитых на один теракт этого типа составляет 0,6 и значение этого показателя не растет со временем.

С другой стороны, терроризм со стороны одиночек-джихадистов на Западе отличают существенные особенности. На терроризм исламистского типа, который и серьезной угрозой-то стал лишь с 1980-х - начала 1990-х гг., уже приходится 15% всех атак со стороны террористов-одиночек на Западе за последние 40 лет, что уступает лишь терактам со стороны правых экстремистов, на которых приходится 17% акций террористов-одиночек.⁴ Теракты глобально-джихадистского типа также гораздо чаще осуществляются «одиноким волками», чем теракты других мотивационно-идеологических типов: на террористов-одиночек приходится 14% всех атак, спланированных и осуществленных джихадистами в Западной Европе в

⁴ Ramón Spaaij, "Understanding Lone Wolf Terrorism: Global Patterns, Motivations and Prevention," *Springer Briefs in Criminology* (Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer 2012).

период между 1995 и 2012 гг.⁵ Джихадисты-одиночки стремятся к осуществлению инцидентов с большими жертвами: до половины всех планируемых терактов этого типа — это взрывы, рассчитанные на массовые жертвы. Хотя в 2000-е гг. постепенный рост числа терактов со стороны одиночек больше всего затронул страны Западной Европы, в конце 2000-х — начале 2010-х гг. число планировавшихся и осуществленных терактов этого типа также возросло в США. При этом из 40 инцидентов джихадистского типа, осуществленных или предотвращенных в США в период между 2001 и 2011 гг., более половины пришлось на 2009–2010 гг. В 2010 г. директор ЦРУ Леон Панетта назвал терроризм со стороны «одиноких волков» основной террористической угрозой США на американской территории.

В мире уже имело место достаточно инцидентов, осуществленных террористами-одиночками, чтобы можно было составить типологию таких терактов джихадистской или любой другой мотивационно-идеологической ориентации. Свои типологии террористов-одиночек предложены, в частности, Петтером Нессером и Раффаэлло Пантуччи. В большинстве таких типологий основное разграничение проводится между «одиночками» в чистом виде (собственно «одинокими волками») — и террористами или террористическими ячейками, действующими автономно, но в рамках более широкой сети. «Одинокие волки» действуют совершенно независимо и изолированно, как, например, майор Нидааль Малик Хасан, устроивший бойню в Форт-Худ (США) в 2009 г., студентка Рошонара Чудри, в 2010 г. заколовшая ножом члена британского парламента, или Халид Алдаусари, планировавший взорвать даласскую резиденцию экс-президента США Джорджа Буша-младшего, а также тexasские дома бывших американских охранников тюрьмы «Абу-Грейб» в 2011 г. В отличие от «одиноких волков», автономные террористы или мини-ячейки поддерживают определенные связи и контакты с другими элементами сети в плане организации терактов, их финансового и технического обеспечения, а также получения специальной подготовки. Террористы этого второго типа, в свою очередь, подразделяются на тех, кто действует по собственной инициативе (например, Абдулхаким Мухаммад, расстрелявший людей в офисе по набору новобранцев в Литл-Роке (Арканзас) в 2009 г.), и теми, кто действует в тесном сотрудничестве с более широкой сетью (например, Ума Фарук Абдулмуталлаб, пытавшийся взорвать себя в пассажирском самолете по пути в Детройт в 2009 г., или Фейзал Шахзад, припарковавший машину, полную взрывчатки, на Таймс-сквер в Нью-Йорке в 2010 г.). На практике, однако, провести четкое различие между изолированными «одинокими волками» и террористами-одиночками или мини-

⁵ Petter Nesser, "Single Actor Terrorism: Scope, Characteristics and Explanations," *Perspectives on Terrorism*, vol. 6, no. 6 (2012).

ячейками, действующими как часть сети, не всегда просто или возможно, особенно на ранних стадиях расследования.

В последнее время на Западе наблюдается тенденция к некоторому росту числа атак со стороны джихадистов-одиночек по отношению к терактам со стороны джихадистских ячеек с сетевыми связями. Эта тенденция имеет двойственный эффект. «Хорошая» новость состоит в том, что организация и исполнение теракта силами «одинокого волка» требует от последнего слишком многого в плане специальных навыков и возможностей, что обычно приводит к резкому несоответствию между недостаточным уровнем подготовки террориста-одиночки и крайне амбициозными целями теракта. Такое несоответствие, в свою очередь, часто оборачивается провалом теракта. Плохая же новость состоит в том, что выявлять потенциальных «одиноких волков» и отслеживать их активность особенно трудно, так как такие лица или мини-ячейки не поддерживают никаких контактов с подобными им игроками или организованными группами, не обязательно получают специальную подготовку «на стороне» и часто сами приобретают оружие и другие средства и материалы, необходимые для теракта, из открытых и легальных источников. Впрочем, реальность такова, что лишь немногие террористы, действующие автономно, на самом деле являются «одинокими волками». Несмотря на недавний рост числа инцидентов со стороны террористов-одиночек, доминирующий тип джихадистского терроризма на Западе — это террористическая активность автономных мини-ячеек, поддерживающих определенные связи с более широкой сетью, причем не только чисто виртуальные. По мере того, как в ходе расследования теракта постепенно выявляются разнообразные контакты и связи террористов, то, что на первый взгляд представлялось акцией террориста-одиночки или полностью изолированной ячейки, в итоге нередко оказывается операцией автономного «сетевого агента» (примером может служить Лидская ячейка в Великобритании, несущая ответственность за взрывы 2005 г. в Лондоне). Согласно общей типологии так называемого доморощенного (“homegrown”) терроризма на Западе, то, что на первый взгляд может показаться терактом со стороны внутриполитического (внутреннего) игрока *автономного* типа, в итоге нередко оказывается примером террористической активности внутреннего *аффилированного* типа.

Бостонская ячейка

Один из основных критериев любой типологии автономных/одиночных террористов — это сам факт наличия у мини-ячейки или террориста-одиночки внешних связей и характер этих связей. В тех случаях, когда таких связей немного или они еще не достаточно выявлены, любые контакты террористов приобретают особое значение. Вне зависимости от того, действовали ли подозреваемые в бостонском теракте братья Царнаевы как часть более широкой сети или нет, этот инцидент, безусловно, является частью более широкого феномена, особенно

характерного для США в последние несколько лет. Однако точный тип бостонской ячейки можно будет окончательно определить только после того, как прояснятся тип, характер и масштаб ее связей.

Поначалу главных подозреваемых в бостонском теракте братьев Царнаевых считали чуть ли не типичными «террористами-одиночками». По утверждению выжившего младшего брата, они действовали в одиночку. Более осторожное в высказываниях ФБР подтвердило, что пока полученные данные и улики указывают на акцию со стороны «доморощенных вооруженных экстремистов», действовавших с целью «отомстить США за войны в Ираке и Афганистане». В этом – далеко не единственное сходство бостонских взрывов с предыдущими атаками этого типа, совершенными на территории США после 11 сентября 2001 г. По уже доступным данным, ячейка в составе братьев Царнаевых была сформирована живущими в США молодыми и в целом неплохо интегрированными иммигрантами в первом поколении достаточно типичного социального происхождения и статуса. У старшего брата был вид на жительство в США, а младший в 2012 г. стал натурализованным американским гражданином. Ни ЦРУ, ни ФБР, которые ранее по «наводке» со стороны правительства России специально занимались вопросом о возможных контактах старшего брата (Тамерлана Царнаева), не обнаружили никаких прямых связей между ним и какими-либо экстремистскими группировками. Не стало сенсацией и то, что человек, в отношении которого спецслужбы США вели расследование по подозрению в причастности к экстремизму и терроризму, в итоге сумел спланировать и совершить успешный теракт на американской территории – за период после 11 сентября 2001 г. в США было, по крайней мере, четыре таких случая. Подозреваемых в бостонском теракте трудно назвать сильно продвинутыми исламистами, с религиозной точки зрения, однако один или оба из них явно глубоко прониклись такими идеями глобального джихада, как резкое неприятие действий США в исламском мире в целом и в Ираке и Афганистане, в частности. Не следует сбрасывать со счетов и возможные связи и контакты внутри США, которые могли способствовать радикализации бостонской ячейки (например, радикализирующее влияние конкретных лиц или предыдущих джихадистских терактов на американской территории). В частности, ячейка Царнаевых – это уже далеко не первый случай, когда прихожане Кембриджской мечети в пригороде Бостона становятся обвиняемыми по делам о терроризме в США или за рубежом. Хотя еще предстоит детально выяснить, откуда и на какие средства подозреваемые получили взрывчатку и оружие, уже известно, что Царнаев-старший незадолго до теракта в Бостоне приобрел фейерверки – очевидно, ради взрывчатой начинки – у той же самой компании «Фэнтом Фаеърворкс» (“Phantom Fireworks”), которая в свое время продала их Фейзалу Шахзаду, пытавшемуся устроить взрыв на Таймс-сквер в Нью-Йорке в 2010 г.

Несмотря на многочисленные сходства, для бостонской ячейки характерны два специфических отличия, которые не вписываются в общий контекст активности автономных ячеек джихадистского типа в США.

Первая особенность, нетипичная для терроризма со стороны одиночек и мини-ячеек джихадистского типа на Западе — это значительно более масштабный, чем обычно, человеческий ущерб от бостонских терактов. Хотя в результате взрывов на бостонском марафоне погибло всего три человека, ранено было более 260. Это беспрецедентно большое число жертв для джихадистской атаки на территории США за весь период после терактов 11 сентября 2001 г. Да, в отдельных случаях в терактах этого типа в США планировалось использовать больше взрывчатки, чем в Бостоне, но эти теракты так и не удалось осуществить. В целом, хотя половина всех планируемых терактов джихадистского типа на Западе нацелена на массовые жертвы, лишь несколько терактов реально привели к ним. За весь период после 2001 г. и до бостонского инцидента всего три джихадистских теракта на Западе привели к массовым жертвам: взрывы в Мадриде в 2004 г., взрывы в Лондоне в 2005 г. и отстрел людей Нидалем Хасаном в Форт-Худ в США в 2009 г. (ставший четвертым по смертоносности терактом за всю современную историю США). Во всех трех случаях террористы имели определенный уровень специальной подготовки и/или поддерживали связи с более профессионально подготовленными людьми. Этот опыт, наряду с указаниями на несколько более сложный характер заложенных на бостонском марафоне взрывных устройств, чем то, что можно вычитать в свободном доступе в Интернете, предполагает наличие и у бостонских террористов определенной специальной подготовки или квалификации, даже несмотря на возможный элемент спонтанности в их действиях (например, после взрывов на марафоне, по некоторым сообщениям, братья импульсивно решили устроить еще один взрыв на Таймс-сквер в Нью-Йорке).

Во-вторых, в предыдущих терактах со стороны одиночек или мини-ячеек джихадистского типа в США обычно присутствовала какая-то связь либо с иракским и/или афгано-пакистанским контекстами как театрами прямого американского военного вмешательства (или, используя терминологию джихадистов, «открытыми фронтами» «освободительных войн»), либо с зонами масштабных специальных/тайных операций США (например, Йеменом). Причем эти связи не сводились лишь к поиску террористами некоего абстрактного вдохновения или декларативного оправдания своих действий, а носили более прямой и конкретный характер. Так, джихадистские террористы в США либо имели афгано-/пакистано-американское происхождение (включая тех, кто сумел пройти вооруженно-террористическую подготовку в зонах соответствующих конфликтов), либо, как военный психолог майор Нидал Хасан, по роду своих занятий имели дело с опытом войн в Ираке и Афганистане. Выбор такими

джихадистами, базировавшимися на американской территории, именно США в качестве своей главной мишени был самоочевиден.

На этом фоне случай с братьями Царнаевыми крайне не типичен для джихадистского терроризма на территории США. В силу этнической принадлежности и региона/страны происхождения и особенно благодаря поездке старшего брата из США на Северный Кавказ в первой половине 2012 г., главным направлением поиска иностранных связей бостонской ячейки для правительства США стали ее возможные связи с Северным Кавказом -- т. е. с регионом, где США не ведут ни прямых военных операций, ни тайных спецопераций -- и в частности, с дагестанским подпольем. Пока правительству США не удалось выявить оперативных или других четко налаженных связей между Царнаевыми и существующими организованными вооруженными группировками на Северном Кавказе, несмотря на полугодовое пребывание старшего Царнаева в регионе в 2012 г. В самом Дагестане официальная версия республиканского МВД практически совпала с заявлением подпольного «Командования моджахедов вилайята Дагестан» (что является редчайшим случаем): оба категорически отрицали любые контакты Царнаевых с местным вооруженным подпольем, а боевики даже специально подчеркнули, что «кавказские моджахеды воюют с Россией, а не с США». Такие заявления представителей местных боевиков не удивительны -- в том числе потому, что даже в контексте объявленной после 11 сентября 2001 г. международной «войны с терроризмом» позицию США по конфликту и терроризму на Северном Кавказе трудно назвать пророссийской или рассматривать как поддержку профедеральных сил и властей в этом регионе. Тем не менее, братья Царнаевы, особенно старший, могли иметь какие-то контакты с отдельными радикальными элементами северокавказского происхождения -- например, с Уильямом Плотниковым, канадцем по рождению и бывшим боксером, ставшим исламистским радикалом (после ареста Плотникова в Дагестане в 2010 г. выяснилось, что он якобы обсуждал вопросы ведения джихада с Царнаевым-старшим по электронной почте; по некоторым оценкам, это и могло стать поводом для первого запроса к США в отношении Царнаева-старшего со стороны России). Однако проблематичность таких связей состоит в том, что все или почти все возможные и/или приписываемые Царнаевым контакты среди северокавказских радикалов, судя по всему, были убиты еще в 2012 г.

В принципе наличие таких связей, как несколько иностранных контактов и одна-две поездки в конфликтные регионы (прежде всего, в поиске идеологического вдохновения, а иногда и в надежде получить какую-то вооруженную подготовку или приобрести опыт подпольной работы), вполне типично для большинства современных «доморощенных» джихадистов на Западе -- с одной лишь поправкой: для американских ячеек это практически всегда связи с регионами, которые джихадисты рассматривают как интернационализированные «открытые фронты» (Афганистан/Пакистан, Ирак,

Йемен или Сомали). Такие ведущие стратеги глобального джихада, как Анвар аль-Авлаки или Абу Мусаб ас-Сури, также рассматривают Афганистан, Ирак и другие «открытые фронты», а также экстерриториальные джихадистские ячейки на Западе как явления иного порядка, чем локально-региональные повстанческие движения исламистско-сепаратистского типа, направленные против центральных правительств своих государств (например, конфликт на Северном Кавказе). Ведущие западные эксперты по глобальному джихаду также обычно не причисляют вооруженное исламистское подполье на Северном Кавказе к так называемым региональным филиалам аль-Каиды (типа «аль-Каиды на Аравийском п-ве» или «аль-Каиды в странах исламского Магриба»).

Нельзя сказать, чтобы у джихадистских террористов и террористических ячеек на американской территории вообще отсутствовали какие-либо связи в регионах за пределами театров военных действий с участием США или других зон открытого или тайного вооруженного вмешательства США. Однако, такие связи достаточно редки (один из таких редких примеров – раскрытый в 2007 г. план джихадистской ячейки в составе албанцев, а также палестинцев и турка, организовать взрывы в Форт-Дикс и на ряде других объектов в штате Нью-Джерси). Правда, если для США связи джихадистов с северокавказским регионом крайне не типичны, то в Западной Европе ситуация несколько иная: там уже было несколько случаев, когда лица северокавказского происхождения принимали участие в подготовке терактов глобально-джихадистского типа, во имя подчеркнуто транснациональных целей. Например, в 2010 г. бельгийский чеченец и тоже бывший боксер Лорс Дукаев получил ранения, собирая взрывное устройство в виде посылки, которую он намеревался отправить в датскую газету “Jyllands-Posten” в отместку за публикацию ею карикатур на Пророка Мухаммеда. Подозреваемые северокавказского происхождения были и среди лиц, арестованных по делам об организации терактов в Испании в августе 2012 г. (против британских и американских мишеней) и во Франции в феврале 2013 г. (против целей в Испании). Однако подавляющее большинство террористических элементов и ячеек северокавказского происхождения своей главной мишенью видят именно Россию, и бостонский теракт 2013 г. не изменит эту базовую реальность.

Заключение

Двойной теракт в Бостоне следует рассматривать в более широком контексте активности автономных террористов и ячеек джихадистского типа на Западе. Хотя нет сомнений в том, что взрывы на бостонском марафоне не были операцией аль-Каиды, как только прояснятся тип, масштаб и пределы контактов и связей бостонской ячейки, ее вполне могут квалифицировать как «сетевого агента», или, пользуясь терминологией стратегов глобального джихада, как участника «джихада индивидуального терроризма». Можно с большой долей вероятности

предположить, что бостонские взрывы в итоге будут официально квалифицированы не как акция «одиноких волков» в чистом виде, а как операция автономной мини-ячейки, действовавшей по собственной инициативе, но опиравшейся на некоторые внешние связи (как внутри США, так и, возможно, за их пределами). В целом, теракт, скорее всего, будет квалифицирован как акт терроризма внутреннего аффилированного типа, т. е. преобладающего типа «доморощенного» исламистского терроризма на Западе.

Тем не менее, от других джихадистских терактов в США бостонские взрывы отличают две существенные особенности, которые к тому же отчасти противоречат друг другу. С одной стороны, налицо достаточно редкий случай успешного теракта джихадистского типа с массовыми жертвами на территории США. Этот факт ставит под сомнение типичное для большинства джихадистских терактов на Западе несоответствие низкого уровня подготовки террористов их завышенным амбициям. Проще говоря, эффективность бостонского теракта предполагает определенный уровень специальной подготовки террористов и/или оказание им профессиональной поддержки со стороны. С другой стороны, предполагаемые связи с северокавказским регионом как возможным источником такой внешней поддержки или базы подготовки в высшей степени не типичны для джихадистского терроризма последнего десятилетия в США (хотя «северокавказский след» и имеет прецеденты среди джихадистских ячеек в Европе).

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org